НЕПРОЧИТАННАЯ ЖИЗНЬ

«Человек, сошедший в эту могилу, – один из тех, кого провожает скорбь общества... В наше время иллюзий больше нет. Теперь взоры обращены не к тем, кто правит, а к тем, кто мыслит, вот почему, когда один из мыслящих уходит, содрогается вся страна. Смерть человека талантливого – это всеобщий траур, смерть гениального человека – траур всенародный».

Надгробная речь Виктора Гюго об Оноре де Бальзаке

Проснулся ночью оттого, что захотелось пить. Из комнаты отца пробивался тусклый свет. Нас всегда предупреждали, чтобы мы не мешали папе, когда он работает. Тихо встав с постели, за пару шагов оказался в коридоре. В дальнем углу комнаты горела настольная лампа и виднелся силуэт человека, которого я видел каждый день, но удивившего в тот момент своей сосредоточенной неподвижностью. При свете лампы двигалась только ручка и периодически с шуршанием сменялись листы. Наблюдая за ним, я вдруг почувствовал, насколько он погружен в работу и какой это кропотливый труд. После, читая его произведения, осознаешь, что человек нашел свой путь и работу, которая ему по душе. Немыслимо было и то, что такой активный и подвижный человек в других делах перевоплощается в идеал усидчивости и внимания.

В отношении семьи и детей он менялся на 180 градусов и становился примером любви и заботливости. С раннего детства он старался объяснять нюансы жизни, по крайней мере, то, что он сам знал. Всегда был уверен, что могу прийти к нему и спросить о чем угодно и что в ответ услышу взвешенный, обдуманный ответ.

Правильно говорят, что имея не ценим, а потеряв плачем. Странно и горько одновременно, что когда папа был рядом, я ни разу не сказал ему спасибо. Хотя знаю, что если бы не он, то я не был бы таким, какой есть. Что благодаря его кропотливому труду, его заботе, крови и поту я стал человеком. Что он был главным моим «болельщиком». Можно сказать, он порой принимал большее участие в моей жизни, чем я сам!

Больше всего в нем мне импонировало его отношение к друзьям. Помню как сейчас – дома пахнет бешбармаком, салатами, мама хлопочет на кухне, а папа собирает журнальный столик. Наконец приходят дядя Умирзак, дядя Садыкбек и

дядя Шыракбай со своими супругами, и начинается шумное застолье! Это всегда было так весело и задорно. В их компании папа раскрывался всей душой. Анекдот за анекдотом, шутка за шуткой, так по-доброму они поддевали друг друга, что до сих пор на лице невольно появляется улыбка!

И вот наступает момент, когда мужская половина идет в детскую, где их ждет тот самый журнальный столик, карты, чистые листы и ручка, а женская половина остается в зале, продолжая беседу, в то время как стол готовится к чаю. Мне было тогда лет 7 или 8, и это было так любопытно наблюдать, как захватывающе и азартно проходила игра. Хотя они никогда не играли на деньги. В какой-то момент в комнате становилось жарко, все снимали свои пиджаки. Все они носили очки, кроме дяди Умирзака. Главное, что у всех очки одеты в своем стиле, разные оправы. У дяди Шыракбая, тонкая оправа и очки сидели на переносице, и он смотрел немного выше очков. У дяди Садыкбека овальные очки и по классике зачесанные волосы назад. А папа носил массивную темную оправу с толстыми линзами. Время от времени они выпивали, закусывая казы и жая. Игра продолжалась пару часов. Потом они, оживленно обсуждая игру и посмеиваясь над проигравшим, возвращались за стол, где к тому времени уже все было готово к чаю. Больше двадцати лет прошло с тех пор, а у меня такая ностальгия, и, наблюдая отношение между людьми в наше время, понимаю, что у них была настоящая мужская дружба, которая на века.

Он был настоящим, справедливым и, самое важное, добрым человеком. Не для кого-то, не для вида, а там, глубоко внутри, в том самом механизме под названием сердце. И в этом состоял его главный жизненный принцип.

После ухода отца я вдруг ощутил невосполнимую утрату. Домбра уже больше полугода пылится в углу, и вряд ли я найду человека, который так глубоко понимал произведения степных композиторов. Немаловажно и то, что он мог объяснить, что лежит за каждой нотой и что хотели сказать тем самым!

Читал книги разных авторов и разных жанров, чтобы обсудить их с ним, и помню тот блеск в его глазах, когда говорил ему, что прочитал ту или иную книгу. Как-то я подошел к нему и сказал: «Папа, вот Честерфилд написал столько писем своему сыну, что набралась целая книга, а ты мне такого не пишешь!», а по мне, так я получил лучший ответ: «Читай в день по одному письму и считай, что они от меня».

Я скорблю по нему и знаю, что никогда в жизни уже не встречу другого такого Адама Мекебаева. Он остался для меня непрочитанной книгой...

Он ушел как настоящий мужчина, и я отчасти даже рад, что не увидел его заката. Я бы вряд ли это перенес. Он навсегда останется в моей памяти сильным, храбрым и любящим отцом... Я уверен, что сейчас он наверняка вместе с дядей Садыкбеком и дядей Умирзаком сидит на облаке и с азартом играет в преферанс и весело смеется, как в тот самый день, который навсегда останется в моей памяти. Покойся с миром, родненький! Ты был достойным и преданным сыном степного народа и верь, что я буду достойным сыном достойного отца!..

Кемель АДАМ